

Константин КРАСНОПОЛЬСКИЙ,
Ян МЕЛКУМОВ

Собственность без границ

Призрак пересмотра итогов приватизации, обрастая законодательной плотью, бродит по России. Приватизация и деприватизация, национализация и разгосударствление представляют собой грани единой темы — соотношения государства и частного сектора в экономике. Дебаты вокруг нее идут, без преувеличения, много веков, то оживляясь, то затухая: было бы наивно полагать, что история началась с нас. Новый виток в обсуждении вечной темы отчасти может быть связан с делом «ЮКОСа», которое некоторыми воспринимается как прелюдия к переделу собственности или даже крупномасштабной деприватизации/ренициализации. Возможно и другое объяснение — грядущие выборы и обычная в таких обстоятельствах «война слов». Так или иначе, вопрос этот вызывает очевидный общественный интерес.

Реформы на «ция»

«Революция», «коллективизация», «либерализация», «приватизация», «национализация». В словаре реформ, как правило, часто звучит одно и то же окончание — колкое и звонкое «ция». «Отчуждение имущества у частных лиц в собственность государства, осуществляемое на основании специального акта компетентного государственного органа» — так расшифровали понятие «национализация» юристы и лингвисты.

Европейское законодательство рассматривает национализацию как проводимую в общественных интересах меру, которая сопровождается выплатой компенсации собственнику национализируемого имущества. В документе, подготовленном Фондом развития парламентаризма в России, говорится, что «в процессе национализации обычно присутствует и политическая составляющая. В этом аспекте национализация — средство, применяемое левыми силами для реализации своих предвыборных программ, причем не только в экономической, но и в социальной сфере». Это не раз проявлялось в ходе национализаций, проходивших в самых разных странах (подробнее о зарубежном опыте в этой сфере см. стр. 24).

«Национализация, по мнению **Сергея Караганова, сопредседателя попечительского совета Фонда развития парламентаризма в России**, будучи эффективным средством экономической политики в кризисных для рыночной экономики условиях, не в состоянии обеспечить более высокий уровень конкурентоспособности и привлекательности для инвесторов». В связи с этим в 1980–90-х годах роль частной

собственности в процессе экономического развития была пересмотрена, и по всему миру прошла волна приватизаций и реприватизаций.

По мнению специалистов Фонда развития парламентаризма в России, «национализация, по своей идее, будет сдерживать привлечение и движение транснационального капитала. И поэтому может применяться в наших нынешних условиях только как крайнее средство экономической политики — в отношении, например, нерентабельных объектов, имеющих стратегическое значе-

Более половины россиян уверены, что итоги приватизации нужно пересмотреть, при этом 43% опрошенных считают наилучшим решением национализацию.

ние для обороны страны и безопасности государства. Или объектов, абсолютно необходимых обществу для достижения социально значимых целей (например, для поддержки социального сектора, фундаментальных научных исследований)».

«Сегодня нет простых решений, типа «Все национализировать!» или «Все приватизировать!», — считает **Сергей Глазьев, депутат Госдумы и один из лидеров НПСР**, — ситуация достаточно сложна, и утверждать, что вот есть одна мера, которая позволит нам все решить, было бы крайне наивно, поверхностно и вводило бы в заблуждение людей. Далеко не всегда национализация является оправданной. Зачем национализировать разграбленные предпри-

ятия, у которых одни долги? Что государство от этого получит?»

«Если уж говорить о национализации, — продолжает он, — важно сохранить реально в государственной собственности то, что по праву государству принадлежит, например недра — по закону о недрах. Но государство, юридически являясь собственником недр, ничего от этой собственности не получает. По сути недра государственные, а сверхприбыль от их использования приватизирована. Вот это — абсолютно неправильно. Это, я бы сказал, даже не вполне законно».

По словам депутата, от изъятия нефтяной ренты государство получило бы примерно \$4 млрд. дополнительных доходов.

Не доставайся же ты никому!

На одной из столичных набережных висит плакат: на темном фоне изображены холеные мужские руки, блестит дорогой перстень, а поверх белых накрахмаленных манжет надеты наручники. Сопровождающий текст призывает вернуть нечестно «прихваченное» имущество.

Недовольство россиян результатами приватизации наглядно проявляется в данных социологических опросов. Хотя Владимир Путин и до, и после избрания на пост президента неоднократно заявлял, что не намерен пересматривать итоги приватизации, более половины россиян уверены, что это сделать нужно. Лишь пятая часть опрошенных считает иначе. Как показывают опросы фонда «Общественное мнение», россияне полагают, что приватизация в целом принесла России больше вреда, чем пользы. В 1998 году эту точку зрения разделял 61% респондентов, а сегодня — 59%. На вопрос, какие меры должно принять государство в случае неэффективной работы приватизированного предприятия (варианты ответов предлагались), россияне чаще всего отвечали, что его следует национализировать (по данным опросов 1998 и 2000 годов, соответственно, 42 и 43% респондентов). Сторонников передачи проблемных предприятий другим частным владельцам заметно меньше (соответственно 28 и 30%).

Осознавая, что отъем собственности — своеобразная русская традиция, что наш человек не любит, когда сосед богат, а потому итоги приватизации многие захотят оспорить, приватизаторы готовились заранее:

ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО

Югославские мастера

Строительство, ремонт, кондиционирование и вентиляция любой сложности

Компания «Элитстрой» тел. /095/772-40-65

параллельно с приватизационным законодательством несколько лет назад готовились первые проекты закона о национализации. Похоже, что в России пришла очередь создания юридического механизма цивилизованного отъема собственности у частных владельцев в пользу государства. Федеральный закон «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность Российской Федерации (национализации)» в конце февраля был одобрен правительством и через месяц был внесен в Госдуму РФ.

Согласно законопроекту, национализация имущества в РФ может производиться исключительно на возмездной основе с выплатой возмещения в размере рыночной цены имущества. Предусматривается, что «национализация имущества может производиться только в целях удовлетворения потребности государства в продукции, работах и услугах, непосредственно обеспечивающих обороноспособность и безопасность страны». Отличие от революционного прошлого в том, что государство должно возмещать стоимость национализированного имущества.

По словам **Александра Бравермана, первого замминистра имущественных отношений РФ**, предусматриваются только два повода для проведения национализации — обеспечение обороноспособности и национальной безопасности страны. «Ни о какой деприватизации речь не идет, — заявил замминистра. — На основании этого закона будут национализироваться единичные объекты в течение длительных промежутков времени и только на возмездной основе».

Между тем многие эксперты отнеслись к правительственному законопроекту отрицательно. Так, специалисты Института экономики переходного периода полагают, что «вряд ли следует принимать закон, преду-

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН

В электроэнергетике государство оставляет за собой монопольные виды деятельности: сети ...

сматривающий национализацию лишь указанных видов имущества, в то время как Гражданский кодекс подобных ограничений не содержит». По словам **сотрудника института Валерия Натарова**, «на практике гораздо чаще требуется национализация других видов имущества (например, земельных участков при строительстве дороги федерального значения)».

Егор Дорошенко из Фонда развития парламентаризма в России считает, что понятие безопасности необходимо законодательно конкретизировать, чтобы избежать использования его в корыстных целях. Следует учесть позитивные решения из альтернативных законопроектов, авторы которых хотя и не высказывают принципиальных разногласий с правительственным вариантом, но считают, что он грешит некоторыми неопределенностями. Так, самым существенным недостатком правительст-

венного законопроекта **депутат Госдумы, председатель комитета по экономической политике Григорий Томчин** считает процедуру национализации, которая не предусматривает участие собственника в оценке отчуждаемого у него имущества. Депутат также предлагает в целях наиболее полного обеспечения гарантии прав и законных интересов собственника предусмотреть соблюдение гласности при национализации. Однако в ответе Томчину, подготовившему свой вариант законопроекта, **зампредседателя правительства РФ Алексей Кудрин** пишет, что «большинство его положений дублирует положения проекта федерального закона, внесенного распоряжением правительства, [...] не содержит четкого и исчерпывающего определения понятия национализации. [...] На основании изложенного правительство РФ не поддерживает принятие данного законопроекта».

Мария АБАКУМОВА

Верни, я все прощу...

Случаи возврата когда-то приватизированной собственности государству в российской практике не очень распространены. Чаще всего основанием служит решение суда, признавшего сделку по передаче какого-либо актива в частные руки незаконной. Бывают, правда, случаи, когда акционеры сами просят под государственную опеку. Но происходит это очень редко.

В 2003 году к государству перешел 19%-ный пакет акций ОАО «Связь» Республики Коми («Комисвязь»). Произошло это по решению арбитражного суда республики Коми, который и передал пакет в собственность Минимущества. Предприятие было приватизировано в 1994 году. До последнего момента крупнейшими

акционерами «Комисвязи» являлись ОАО «Связьинвест» и ЗАО «Коми финансовая компания», владеющие пакетами по 19% акций от уставного капитала (или 25% голосующих акций). Изначально предполагалось, что эти 38% акций будут в собственности государства, половина из них закрепляется за республикой. Однако республиканский пакет был передан в уставный капитал АООТ «Фонд реализации программы развития экономики Республики Коми». Впоследствии фонд осуществил отчуждение акций в пользу «Коми финансовая компания», то есть передал их в собственность третьих частных лиц. В 2002 году арбитражный суд Республики Коми признал эту сделку незаконной.

Если кассационная жалоба, поданная «Коми финансовой компанией», будет отклонена, «Комисвязь» войдет в состав СЗТ (Северно-Западный Телеком), одной из дочерних межрегиональных компаний «Связьинвеста». Минимущества заранее дает согласие на эту сделку, в то время как прежние акционеры были против и не позволили предприятию участвовать в реорганизации «Связьинвеста». ▶

Руководитель департамента межкорпоративных отношений Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Николай Остарков в интервью журналу отметил, что понятие угрозы безопасности дается в законе слишком неопределенно. «Она определена как совокупность факторов и условий, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. Но, исходя из данного определения, нельзя сделать однозначный вывод о специфике имущества, в отношении которого может быть принято решение о национализации».

«Положения законопроекта о порядке выплаты возмещения, — продолжает г-н **Остарков**, — также вызывают целый ряд замечаний. В проекте не установлен срок выплаты, причем о дате выплаты возмещения собственник уведомляется уже после перечисления денежных средств. Это

может привести к нарушению прав и законных интересов собственника в случае изменения рыночных условий».

Власть стремится успокоить деловое общество, почуявшее запах очередного передела, но делает это как-то не очень убедительно. Например, **Антон Данилов-Данильян, руководитель экономического управления администрации президента**, говорит, что, прежде чем приступить к национализации, государство должно сотню раз «проработать возможности получения требуемой продукции через достойно оплачиваемый госзаказ или размещение оборонного или требуемого для безопасности страны инфраструктурного объекта на частных мощностях». В то же время атака на «ЮКОС», считают некоторые, может стать предвестником передела собственности под разговоры о корректировке итогов несправедливой приватизации.

О текучести российской собственности...

Все аргументы «за» и «против» национализации давно и не раз произнесены, сегодня звучат в основном «вариации на тему». Сторонники государственной собственности и широкого государственного вмешательства в экономику привычно утверждают, что государство должно принимать на себя хозяйственные функции в тех сферах, где частный сектор действовать не хочет или не может по причине низкой прибыльности, длинных сроков окупаемости, высокого уровня первоначальных затрат и т.п. Это в первую очередь инфраструктурные отрасли — транспорт, электроэнергетика, водоснабжение. Характерно, что они часто являются естественными монополиями, а это также служит аргументом в пользу государственной собственности и уж, во всяком случае, государственного регулирования, с чем согласны даже ярые рыночники. Так почему же попросту не отдать их в собственность государства, представляющего (пусть теоретически) интересы всего общества, вопрошают государственники. Не случайно же в англоязычных странах подобные отрасли относят к разряду public utility, что можно перевести как «общественное благо». Также не случайно и то, что во многих странах инфраструктурные отрасли либо с самого начала развивались как государственные, либо в определенный период были национализированы.

Сюда же примыкает и еще один аргумент государственников: государство должно активно участвовать в социально значимых отраслях — полностью отдавать их в распоряжение частного сектора и опасно, и несправедливо. Именно так рассуждали английские лейбористы, национализировавшие после Второй мировой войны в числе прочего угольную и сталелитейную промышленность, а также систему здравоохранения.

... диспетчерское управление также осталось в ведении государства

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН

► В соответствии с судебным решением был возвращен в государственную собственность 49%-ный пакет в российско-монгольском СП «Эрдэнэт». Этот монгольский комбинат — один из мировых лидеров по выпуску медного концентрата. В борьбу за него намеревается вступить Управление делами президента, Минимущества, ГМК «Норильский никель» и Уральская горно-металлургическая компания (УГМК). СП «Эрдэнэт» создано в 1973 году. По межправительственному соглашению от 1991 года Россия получила 49% в СП, а Монголия — 51%. В 1994 году российская доля в СП внесена Госкомимущества в уставный капитал ВО «Зарубежцветмет», которое после акционирования перешло под контроль менеджеров. Государство сохранило лишь 24% акций «Зарубежцветмета».

Оспаривать законность сделки прокуроры пытались еще в 1997 году, подав иск в Московский арбитражный суд. В исковом заявлении говорилось, что включение российской доли в «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» в уставный капитал «Зарубежцветмета» было незаконным, поскольку это противоречит

межправительственному соглашению с Монголией. Тогда суд не встал на сторону прокуратуры. В феврале 2002 года прокуратура вновь обратилась в высший арбитражный суд, президиум которого 10 декабря 2002 года удовлетворил иск и признал незаконной передачу российских долей в СП в капитал «Зарубежцветмета». Дальнейшая судьба 49%-ного пакета неясна. Вероятнее всего, Минимущества передаст этот актив в управление какой-либо коммерческой структуре.

Интересна судьба кубанского завода шампанских вин «Абрау-Дюрсо». В 1992 году предприятие было приватизировано и преобразовано в ЗАО «Агрофирма «Абрау-Дюрсо». В 1997 году прежнего руководителя предприятия Николая Ключко сменил Николай Почтарев, протеже главы краевого комитета виноделия. В период его руководства в 1999 году прокуратура края обнаружила множество нарушений в ходе приватизационной сделки, и краевой арбитражный суд признал ее недействительной. Появилось краевое государственное предприятие «Абрау-Дюрсо», правда, с прежним генеральным директором —

нения, которая стала бесплатной для всего населения. (Спустя каких-нибудь 40 лет критики назовут английскую систему здравоохранения самой отсталой и неэффективной в Европе и упрекать в этом будут, разумеется, лейбористов).

Следующий аргумент этатистов происходит из Германии первой половины XIX века, из работ экономиста Фридриха Листа и тесно связан с разработанными им доводами в пользу торгового протекционизма, известными под общим названием *infant industry protection* — «защита нарождающихся отраслей». Необходимость усиления роли государства здесь объясняется тем, что в нарождающихся отраслях национальный частный капитал слишком мал, слаб и не способен эффективно развиваться и проти-

ВАСИЛИЙ ДЬЯЧКОВ

Огосударствление банков — одна из любимых идей «этатистов»

Приватизация в странах Восточной Европы по большинству показателей оказалась эффективной, однако чем восточнее, тем меньше удовлетворения от ее результатов.

востоять иностранной конкуренции, поэтому необходимо участие в игре государства, его как экономических, так и политических сил. Именно на основе таких идей в Пруссии создавался государственный инвестиционный банк, впоследствии финансировавший стратегически важные для Германской империи проекты, например, строительство железной дороги Берлин — Стамбул — Тегеран, которая откровенно рассматривалась как военный объект на случай войны против английских колониальных владений на Ближнем Востоке и в Индии. Во время Первой мировой войны по ней перебрасывались германские экспедиционные части, сражавшиеся с английскими войсками на территории современного Ирака. Впрочем,

англичанам не потребовалось очень много времени, чтобы разделаться с немецким экспедиционным корпусом.

В этом же ряду стоят и аргументы «командных высот». В узком смысле они состоят в том, что военно-стратегические интересы страны должны обеспечиваться всей мощью государственной машины, включая и экономическую сторону, а отдавать эту важную сферу на произвол жадности, движущей миром частного бизнеса, — легкомыслие, граничащее с преступлением. Однако что именно следует относить к «стратегическим интересам» — во многом вопрос вкуса, а следовательно, и масштабы госсектора в этом случае могут быть любыми. Для большевиков они, разумеется, бы-

ли близки к 100%, но здесь на аргументы о командных высотах наложилось общеидеологические соображения о несправедливости капиталистического строя и необходимости его замены диктатурой пролетариата, сопровождающейся полным огосударствлением экономической жизни.

Наконец, относительно недавно появившийся аргумент в пользу огосударствления по крайней мере части экономики опирается на мнение о неэффективности, а то и крайней вредности приватизации, прошедшей в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Сторонники данной точки зрения считают, что многочисленные неудачи приватизации не являются случайными, а демонстрируют порочность самого подхода. Они призывают ренационализировать если не все приватизированное имущество, то во всяком случае крупные и (по интересному совпадению) прибыльные предприятия, которые разрабатывают природные ресурсы, принадлежащие всему обществу (в лице государства), но «прихвати-

Почтаревым. В результате кредиторская и дебиторская задолженности завода увеличились, предприятие было доведено практически до банкротства. В 2001 году краевая администрация оставила ГУПу только виноградники, переведя остальные активы в ЗАО «Абрау-Дюрсо», 70% акций которого принадлежали правительству края.

А в начале 2003 года контроль над 70% акций ЗАО перешел к Александру Аристову, владельцу челябинского пищевого холдинга «Ариант».

По причине доказанной в суде незаконности итогов приватизации вернулись в госсобственность и Шацкий ликероводочный завод, и Хабаровский хлебокомбинат, который, если верить местным СМИ, без этого шага просто не выжил бы.

Иногда инициаторами дел по признанию приватизации незаконной выступает не прокуратура, а другие субъекты, например, ФСБ. На основе информации, полученной из этой структуры, правительством России был обеспечен возврат в госсобственность контрольных пакетов акций ряда дочерних акцио-

нерных обществ государственной нефтяной компании «Роснефть» на сумму \$44 млн. Информация поступила в результате проверок, которые коснулись таких акционерных обществ, как «Роснефть-Севернефтесервис», «Роснефть-Кемеровонефтепродукт» и «Роснефть-Алтайнефтепродукт».

Едва не утек из рук государства «Рыбкомфлот». Это предприятие учредили в 1989 году внешнеторговое объединение «Соврыбфлот» (60%) и дочернее предприятие Минрыбхоза, зарегистрированное на Виргинских островах — Falcon Shipping Ltd. (40%). В 1991 году доля «Соврыбфлота» перешла к ряду государственных предприятий, которые в 1992 году переуступили акции менеджменту завода. Бизнесмены организовали ТОО «Рифер», которое и стало собственником контрольного пакета. С 1994 году функции управления долей Falcon переданы Минимущества. К 2001 году, когда государство решило вернуть себе контроль над предприятием, в руках «Рифера» было уже 66% акций. Минимущества обратилось в арбитражный суд Москвы, указывая на нарушения законодательства во время осуще- ▶

«Государственники» ратуют за сохранение госконтроля над ключевыми отраслями и предприятиями

АНАТОЛИЙ МОРОКХИН

зированные» за гроши криминальными олигархами с помощью коррумпированных чиновников — ставленников антинародного режима. О широком распространении подобных взглядов в самых разных слоях российского общества свидетельствуют разнообразные опросы общественного мнения (об одном из них мы писали в прошлом номере журнала, а в нынешнем можно ознакомиться с точкой зрения некоторых губернаторов). Более мягкий вариант той же «теоремы» — ренационализация ключевых предприятий, обеспечивающих функционирование важных отраслей или территорий, если эти предприятия находятся на грани банкротства. Проблема лишь в том, что в России почти любое предприятие можно без особого труда поставить на грань банкротства в рекордные сроки.

Люди, придерживающиеся весьма уме-

По мнению Маргарет Тэтчер, общество, в котором есть сомнения по поводу того, кому что принадлежит, не может рассчитывать на продолжительное и успешное развитие.

ренных, а нередко и активно прорыночных взглядов, не раз выказывали свое разочарование результатами приватизации в России и некоторых других бывших советских республиках — например, Джеффри Сакс, а также А. Некипелов, С. Меншиков и О. Богомолов. По высказыванию бывшего **сотрудника Всемирного банка Джона Неллиса** (John Nellis), приватизация в странах Восточной Европы по большинству показателей оказалась эффективной, однако чем восточнее, тем меньше удовлетворения от ее результатов.

Аргументы сторонников рынка и противников госсобственности не столь разнообразны, хотя вряд ли уступают в убедительности. В первую очередь приводится старый, но по-прежнему актуальный довод о том, что государство — плохой хозяйственник, и частный хозяин всегда будет лучше государственного, если ему не мешать и не пытаться содрать с него три шкуры. Довод этот подтверждается многочисленными исследованиями, в частности эффективности приватизированных предприятий, нередко весьма представительными. Например, проведенное в рамках проекта Всемирного банка исследование 6,3 тыс. приватизированных компаний в семи странах Центральной и Восточной Европы показало, что к концу 1995 года они существенно опережали предприятия госсектора по темпам роста производительности труда, объемам инвестиций и прибыльности.

А более низкая, чем в частном секторе,

эффективность госпредприятий означает прямые потери для экономики и общества и затрудняет возможности беднейшего населения выбраться из нищеты. По сути все аргументы из этого ряда отражают старый как мир спор между государственниками и рыночниками о том, кто «умнее» — государство или частный предприниматель.

В российском контексте особенно часто используется еще один аргумент: увеличение числа государственных рычагов воздействия на предприятия приводит к пропорциональному увеличению коррупции,

► ствления сделки с «Рифером». В результате полный контроль над «Рыбкомфлотом» вернулся к Минимущества.

Часто инициаторами возврата собственности от частного к государству являются местные и региональные власти. Так произошло со ставропольскими аэропортом и авиакомпанией, которые были приватизированы и принадлежали Ставропольской акционерной авиационной компании. Губернатор края Александр Черногоров добился возврата активов в госсобственность на основании того, что приватизация аэропорта и взлетной полосы противоречит закону о естественных монополиях. Вторым фактором, подтолкнувшим власть к активным действиям, было крушение самолета «СААК» под Черкесском в конце 1990-х, когда у самолета отвалился хвост. Все имущество компании было передано ГУП «Кавминводьявиа», которое стало владельцем двух аэропортов и самолетов в Минеральных Водах и Ставрополе, а также всей сельскохозяйственной авиации края, включая губернаторский «кукурузник». Правда, Ставропольский аэропорт финансируется по остаточному

принципу. Основное внимание ГУП уделяет родному аэропорту в Минеральных Водах.

Аналогичная ситуация сложилась на заводе ЗИЛ. Во времена приватизации крупный пакет акций завода приобрела фирма «Микродин». Положение ЗИЛа из тяжелого стало катастрофическим, когда правительство Москвы решило установить контроль над предприятием. Правда, в этом случае дело до суда не дошло: акции ЗИЛа у «Микродина» просто выкупили за \$7 млн. Сейчас правительство Москвы владеет 66% акций завода (подробнее о ситуации на ЗИЛе читайте на стр. 36).

Случается, что собственники пытаются буквально подарить свое предприятие государству. Газета «Сельская жизнь» обратилась в правительство РФ с предложением безвозмездно передать государству контрольный пакет своих акций. Если государство примет «подарок», это станет первым подобным прецедентом на российском рынке масс-медиа, но, вероятнее всего, Минимущества, обращающее внимание в первую очередь на финансовую выгоду, не согласится стать обладателем такого актива.

Антон Данилов-Данильян, руководитель экономического управления президента РФ: «Без ясности в этом вопросе как отечественные, так и зарубежные инвесторы не чувствуют себя защищенными в должной степени, поскольку не знают, какими будут правила национализации, в каких случаях она будет проводиться, кто будет принимать соответствующие решения. Об этом свидетельствуют многочисленные встречи с деловыми людьми, которые мы проводили в администрации президента».

Сергей Недорослев, президент группы компаний «Каскол»: «Если авторы закона хотят блага своей Родине, они должны четко прописать механизм оценки».

Анатолий Чубайс, председатель совета директоров РАО «ЕЭС»: «Я бы, например, совсем не возражал против внесения в уставный капитал РАО «ЕЭС» отдельных объектов, например приватизированных без участия федеральных органов власти «Якутскэнерго» или «Татарэнерго». Одним словом, подобного рода национализация может быть только «точной», только выбороч-

ной. Вопрос о доле государственности сегодня должен рассматриваться как вопрос исключительно прагматический, но отнюдь не политический».

Каха Бендукидзе, гендиректор холдинга «Объединенные машиностроительные заводы»: «Понятно, что закон может быть цивилизованным, но у людей сохранились воспоминания о всеобщей колхозной собственности, и закон уже названием намекает на возможность возврата к тем временам. Принятие этого закона не будет способствовать привлечению ни российских, ни иностранных инвестиций».

Альфред Кох, председатель совета директоров инвестиционной компании «Монтес Аури»: «Частный сектор в России доминирует. Жизнь современного российского человека состоит из постоянных контактов с частной собственностью. Он просыпается утром в своей частной квартире, отправляется на работу (правда, на городском общественном транспорте, который не приватизирован и, видимо, в этом пока нет нужды), приходит на работу в акционерное общество, а вечером идет в частный магазин и возвраща-

ется в свою частную квартиру. Поэтому показатели приватизации в разных регионах страны принципиального значения уже не имеют. Какая разница, 78% составляет частный сектор (как в Петербурге) или 70% (как в целом по стране). Главное то, что по всей России уже сформировалась частная среда обитания, и для нового поколения слово «национализация» — пустой звук».

Иван Грачев, депутат Госдумы РФ («Народный депутат»): «Каждое решение по национализации надо принимать законом, и оценивать имущество должны независимые, а не правительственные оценщики. Иначе национализация превратится в хапок чужой собственности».

Николай Арефьев, депутат Госдумы РФ (КПРФ): «Правительственный проект не живет в России. Он направлен на возмещение полной рыночной стоимости имущества, однако в ходе приватизации многие собственники получили ее по гораздо более низкой цене. Например, Абрамович купил в прошлом году пакет «Славнефти» за \$1,8 млрд., когда другие покупатели давали за него \$4 млрд. И теперь в

случае национализации государство заплатит ему \$4 млрд. и еще \$2 млрд. компенсации убытков. Мы не должны принимать закон, который позволяет грабить государство!»

Валерий Драганов, депутат Госдумы РФ: «Предложенный правительством механизм национализации станет чиновничьим бизнесом, если в нем не прописать каждую процедуру».

Кирилл Глуховской, начальник отдела международных проектов компании «Интеррос»: «Вопрос национализации имущества региональными властями рассматривался на бюро Российского союза промышленников и предпринимателей. Бизнес-сообщество убеждено в том, что, получив такое право, региональные власти реквизируют все прибыльные предприятия, находящиеся на их территории».

Валерий Федоров, руководитель Центра политической конъюнктуры: «Национализация сырьевых отраслей, на которых сегодня реально основана экономика страны, фактически и будет означать разрушение существующей системы».

которая являет собой зло большее, чем все социально нежелательные последствия «необузданного капитализма». «Бюрократы в бизнесе» — далеко не лучшая замена рыночного хозяйства.

В ответ на упреки по поводу «плохой» приватизации, а особенно на призывы к ренационализации, («приватизаторы») предостерегают, что подобные действия могут привести к неожиданным результатам. Следует посмотреть на опыт государств, сумевших осуществить эффективную (прозрачную и справедливую) приватизацию и не нуждающихся в ренационализации: это Венгрия, Чехия, Польша и страны Балтии. Эффективные административные аппараты и политические институты этих стран оказались способны обеспечить удовлетворительную деятельность госпредприятий, выпускающих конкурентоспособную и востребованную рынок продукции, здесь нет расширения имущества, раздувания штатов, постоянных убытков и т.п. Что же касается государств, где приватизация оказалась, мягко говоря, неэффективной, то виной тому причины, связанные не с приватизацией, а с «местными особенностями», какими явля-

ются слабый и неэффективный государственный аппарат, а также моральные качества людей, в нем работающих. Поскольку эти «особенности» в большинстве случаев сохранились, нет никаких оснований полагать, что ренационализация (даже с последующей приватизацией) что-либо изменит.

Более того, утверждают сторонники данного взгляда, достаточно посмотреть на такие страны, как Украина, Беларусь, Румыния и Болгария (до выборов 1997 года), проявлявшие крайнюю осторожность в отношении приватизации. Сохранение большого (и неэффективного) госсектора в экономике не решает ни одной проблемы, свойственной переходным экономикам, однако существенно тормозит реформы и мешает росту экономики. Что же касается Китая, не особо увлекавшегося приватизацией, то и здесь рыночники, признавая китайские экономические успехи, указывают на огромные структурные различия между экономикой Китая и восточноевропейских стран: в Китае в начале реформ более 70% валового продукта создавалось в сельском хозяйстве, которое изначально не было полностью государственным, и лишь 15% — в промышленности, в

то время как в России соответствующие показатели составляли 13 и 42%.

Противники государственности, не отрицающие и недостатков приватизации, полагают, что ключевые условия, определяющие успех экономического развития, связаны не столько с самой приватизацией, сколько с институциональной средой, в которой она проводится. Если в государстве отсутствуют или не работают такие институты, как соблюдение контрактов, признаваемые права собственности и нет действенных механизмов их защиты, а государство не может эти институты создать (или заставить их работать) — тогда ни приватизация, ни госсектор не смогут помочь экономике, замечает **Джон Неллис**. Можно привести и высказывание **Маргарет Тэтчер**: «Собственность имеет принципиальное значение, поскольку она приносит стабильность и уверенность. Общество, в котором есть сомнения по поводу того, кому что принадлежит, не может рассчитывать на продолжительное и успешное развитие». К сожалению, в России никто — из крупных предпринимателей — не может с уверенностью сказать: «Это — моя собственность». Сегодня — его, а завтра...

Константин КРАСНОПОЛЬСКИЙ

— Какова идеология подготовленного правительством законопроекта о национализации? Он составлен в русле мировой практики или его отличают какие-то специфически российские особенности?

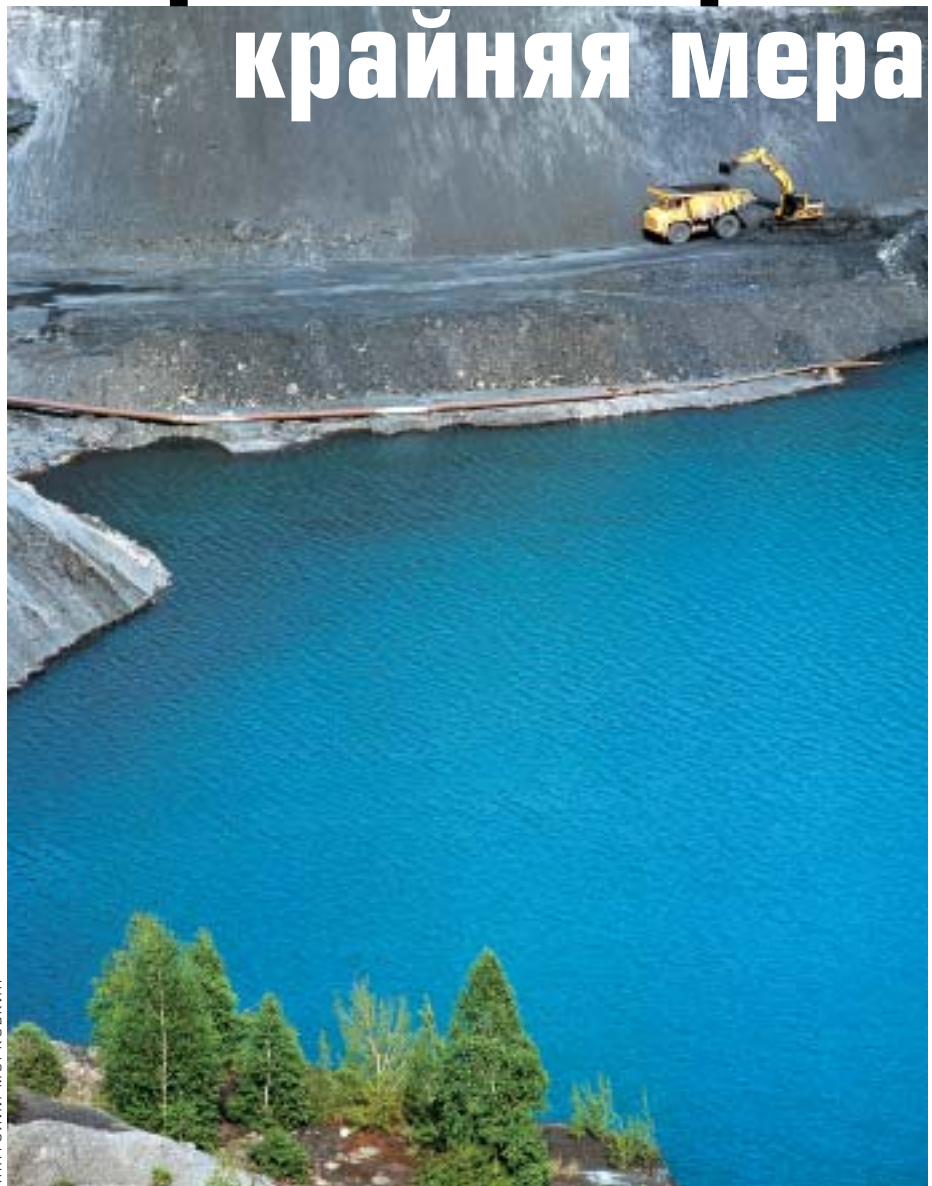
— В мире национализация имущества используется, как правило, в качестве инструмента спасения от банкротства социально-значимых компаний, и крупнейших, и мелких, после чего они обычно вновь передаются в частные руки. Эта схема применялась в странах, где процесс национализации принимал относительно широкие масштабы (Великобритания или Франция).

Анализ зарубежного опыта показывает, что национализация преследует и другие цели, причем самые различные. Это прежде всего поддержание или выведение из-под контроля иностранного капитала отраслей, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, а потому совершенно необходимых обществу, но в которые частный капитал не идет или идет в недостаточной мере по причине высокой капиталоемкости, длительных сроков окупаемости, высокой степени риска. В случаях, когда не

удается защитить потребителей от злоупотреблений естественных монополий рыночными методами, нередко также прибегают к национализации.

Зачем применять в России процедуру национализации? В каких случаях это будет происходить и как? Что сможет получить бывший владелец национализируемого имущества? Как изменится инвестиционный климат в стране после принятия закона о национализации? На эти и другие вопросы отвечает в интервью журналу «ВЕСТИ» первый заместитель министра имущественных отношений РФ Юрий Медведев.

Национализация — крайняя мера

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН

удается защитить потребителей от злоупотреблений естественных монополий рыночными методами, нередко также прибегают к национализации.

Правительственный законопроект о национализации по ряду позиций отличается от зарубежных аналогов. Цели национализации в нашем законопроекте сформулированы более строго и определенно, чем в законодательстве других стран. Например, в

основном законе ФРГ 1949 года говорится: «Отчуждение собственности допускается только в целях общего блага». Мы же определяем целью национализации необходимость поддержания производства продукции для обороны страны и безопасности государства. Причем национализация в России позиционируется как крайняя мера, когда государство не может купить соответствующую продукцию на рынке или построить

предприятие для ее изготовления.

Правительственный законопроект по ряду параметров гораздо строже подходит как к вопросам «показаний» для национализации, так и к связанным с ними вопросам защиты прав участников национализации. Обеспечение потребности в стратегической продукции является не только важнейшим условием национализации, но и обязанностью правительства: оно может использовать национализированное имущество исключительно для производства продукции, потребность в которой и вызвала необходимость национализации. При этом форма такого использования — федеральное казенное предприятие — не только обеспечивает полный контроль государства за производством соответствующей продукции, но и не позволяет применить к предприятию процедуры банкротства.

— Так ли необходима национализация в России, учитывая тот факт, что государство — неэффективный собственник (федеральные органы зачастую не в состоянии предотвратить крупные сделки по выводу активов)? Более того, государство не раз декларировало, что пытается избавиться от излишней собственности (к примеру, сейчас идет распродажа ГУПов). Где гарантия, что новой собственностью государство будет управлять лучше, чем старой?

— На проблему эффективности управления государственной собственностью необходимо взглянуть с другой стороны. Мы привыкли рассматривать эффективность исходя из приносимого дохода. Здесь государству трудно, да и не нужно конкурировать с частными собственниками. Поэтому сегодня государство покидает те сферы деятельности, в которых успешно работает или может работать частный бизнес. Мы идем на масштабное реформирование структуры государственной собственности, в первую очередь государственных унитарных предприятий.

Однако там, где государство участвует в экономической деятельности, исполняя свое предназначение, в том числе в сфере обороны и безопасности, эффективность управления имуществом должна измеряться исходя из того, насколько собственность обеспечивает выполнение государственных задач. Поэтому здесь резонно ставить вопрос так: не сколько мы получим от использования имущества, а сколько мы должны потратить на выполнение той или иной государственной функции?

— Принятие закона «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность РФ (национализации)»

Государство и частный сектор: приливы и отливы

Ян МЕЛКУМОВ

История наступлений и отступлений государства в экономике связана с интеллектуальной модой и борьбой идей. Не менее значительную роль играли политические традиции и вес тех или иных институтов в системе государственной власти отдельных стран.

Обобществление людей

Вопрос о соотношении государства и частного сектора в экономике — очень стар, и почти всегда его решение зависело от политических идей и идеологических предпочтений, а не от экономики и прагматических соображений. Само понятие «экономическая необходимость» неоднозначно для «этатиста» и «рыночника».

После Первой мировой войны, а особенно после кризиса и великой депрессии 1929–32 годов, тезис о благотворности государственного вмешательства и неспособности рынка решить экономические проблемы стал чрезвычайно по-

номические «эксперименты» были приняты в Италии и Германии. Муссолини, мечтавший создать первое в мире «корпоративное государство», подчиненное «интегральному дирижизму», не только ввел в 1926 году 8-часовой рабочий день и 48-часовую рабочую неделю, обязательные санитарные нормы на предприятиях, пособия по болезни, безработице, уходу за детьми и т.п., но и создал семь контролируемых государством корпораций, в которых была сосредоточена вся экономическая жизнь Италии. Государство назначало управляющих этими корпорациями и координировало их деятельность с помо-

Железнодорожный транспорт во многих европейских странах остается государственным

REUTERS

пулярен. Именно в период между двумя мировыми войнами государственное участие в экономике многих стран достигло максимума. Начало этому положила, разумеется, русская революция, в ходе которой большевики экспроприировали частную собственность на средства производства. В последующие полтора десятилетия похожие эко-

номические «эксперименты» были приняты в Италии и Германии. Муссолини, мечтавший создать первое в мире «корпоративное государство», подчиненное «интегральному дирижизму», не только ввел в 1926 году 8-часовой рабочий день и 48-часовую рабочую неделю, обязательные санитарные нормы на предприятиях, пособия по болезни, безработице, уходу за детьми и т.п., но и создал семь контролируемых государством корпораций, в которых была сосредоточена вся экономическая жизнь Италии. Государство назначало управляющих этими корпорациями и координировало их деятельность с помо-

► ла создана сеть современных автодорог. Многие идеи и институты фашистской Италии были позаимствованы Франко и Гитлером. Последний не без оснований заявил одному из своих собеседников в конце 1930-х годов, что пошел гораздо дальше марксистов, выстулавших за обобществление средств производства, — он обобществил людей, а в этом случае уже неважно, кому формально принадлежат средства про-

EAST NEWS

Угольную промышленность после войны национализировали левые правительства и в Англии, и во Франции. Через 40 лет пришел черед приватизации

изводства. Действительно, в национал-социалистической Германии не было масштабных национализаций, сходных с российскими (исключая активы, принадлежавшие евреям), однако все предприятия были обязаны выполнять плановые задания в рамках четырехлетнего экономического плана. Невыполнение плана рассматривалось, вполне в социалистическом духе, как саботаж.

Берег левый — берег правый

Идея экономически активного государства получила распространение в межвоенный период не только в откровенно тоталитарных, но и в демократических государствах. Так, Новый курс президента США Рузвельта был в значительной степени основан на организованных государством «общественных работах» (в первую очередь строительстве дорог) для сокращения безработицы. Во Франции правительство Народного фронта (социалисты и коммуни-

сты), избранное в 1936 году, национализировало отрасли, производившие вооружение, а также реорганизовало и национализировало несколько авиакомпаний, создав государственно-частную Air France. Мексика в 1938 году при президенте-реформаторе Л. Карденасе национализировала железные дороги и собственность американских нефтяных компаний (с выкупом), передав нефтяные активы в государственную нефтяную компанию.

Однако настоящий бум национализаций начался после Второй мировой войны. Этому способствовал и тот факт, что в военный период вся промышленность в воюющих странах была подчинена государственному контролю. Однако если в США после 1945 года экономика вернулась на рыночные рельсы, то во многих странах Европы возобладали «государственнические» идеи. Избранное в 1945 году в Великобритании лейбористское правительство Клементы Аттли предприняло программу широкой национализации промышленности и создания масштабной системы социальных услуг. Были национализированы (с выкупом за государственные облигации) Банк Англии (центральный банк до того формально принадлежал частному владельцу, но выполнял сугубо государственные функции), угольная промышленность, связь, гражданская авиация, электроэнергетика и внутренний транспорт. Три года спустя была запущена общегосударственная программа «социализированного здравоохранения», тогда же началась и национализация сталелитейной промышленности, однако соответствующий закон вступил в силу лишь в 1951 году, когда к власти вернулись консерваторы во главе с Черчиллем. Консерваторы денационализировали автомобильный транспорт и все, кроме одной, сталелитейные компании, а также покончили с системой прямого государственного контроля над экономикой (в частности, отменили еще сохранявшуюся карточную систему для некоторых потребительских товаров), однако сохранили все социальные программы лейбористов. Впрочем, в 1967 году лейбористы ренационализировали сталелитейную промышленность, которой грозило банкротство, объединив 14 компаний в государственную British Steel Corporation PLC.

Интересно, что в британской истории были прецеденты национализации и до 1945 года — в 1911 году Чер- ►

— это все-таки начало «новых экономических отношений». Без конфликтов здесь не обойдется. Значит ли это, что служба судебных приставов опять станет вечным героем новостей?

— Нет никаких оснований этого опасаться, так как масштабы процесса будут невелики. Национализация для государства — исключительное средство достижения своих целей, и обходится она дороже, чем простое приобретение того же имущества на рынке. Это происходит, во-первых, потому, что по закону национализация «запускается» только при невозможности достичь цели, ради которой она осуществляется, другими способами. Во-вторых, при национализации возмещению подлежит не только рыночная стоимость имущества, но и убытки, причиняемые его изъятием. Выплата возмещения производится одновременно в денежной форме за счет ассигнований, заложенных в федеральном бюджете на указанные цели. Рассрочка не допускается.

Что касается судебных процедур возврата имущества в государственную собственность, то это как раз не относится к сфере действия закона о национализации. Судебные процессы должны касаться каких-то противозаконных действий. Национализация не может служить мерой наказания или способом обеспечения исполнения обязательств — это подчеркивается в законопроекте. Тем более что неэффективное использование приватизированного имущества не является основанием для его возврата в государственную собственность, как это предлагалось в других вариантах закона о национализации.

— Достаточно ли четко прописан механизм оспаривания частником действий государства при национализации его имущества? Может ли суд защитить его интересы?

— Закон построен так, что собственник имущества в процессе переговоров с государством или в суде может оспаривать касающиеся его аспекты национализации (например, размер причитающегося возмещения), но не саму необходимость ее проведения. Национализация по определению представляет собой принудительное изъятие имущества, выступая при этом как особое основание прекращения права собственности. Кодекс требует, чтобы национализация производилась на основании закона с возмещением стоимости имущества и других убытков. Поэтому — при условии соблюдения всех требований закона — сопротивление собственника имущества национализации является противоправным и не подлежит судебной защите.

— Будут ли учтены при доработке правительственного проекта некото-

рые решения из альтернативных законопроектов? Например, получит ли собственник право участвовать в оценке отчуждаемого у него имущества, будет ли процесс гласным?

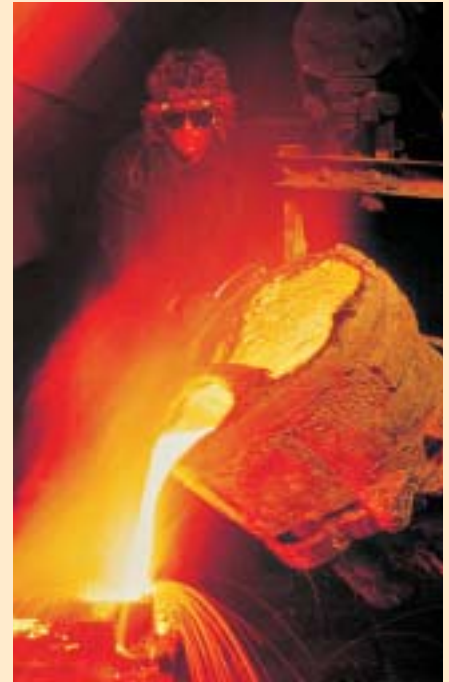
— Правительственный законопроект о национализации прорабатывался с учетом всех точек зрения, в том числе представленных в альтернативных законопроектах. В итоге можно утверждать, что он вообрал в себя все лучшие идеи, принятые в нем подходы представляются более взвешенными и имеют меньший конфликтный потенциал. В частности, предусмотрено участие собственника в определении стоимости национализируемого имущества. Оценка стоимости национализируемого имущества и других убытков (размера возмещения) осуществляется независимым оценщиком в соответствии с федеральным законом «Об оценочной деятельности». Размер возмещения согласовывается с собственником национализируемого имущества, а при возникновении споров определяется на основании решения суда. Таким образом, органы, осуществляющие национализацию, не могут навязать собственнику размер возмещения по своему усмотрению.

К вопросу о гласности — для собственника имущества она имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Подготовка к национализации (разработка и принятие закона о бюджете, содержащего статьи о стратегической продукции и размере ассигнований на национализацию соответствующего имущества) еще не означает, что национализация состоится. Но известие о начале такой подготовки может нанести убытки собственнику имущества, на возмещение которых он не получит права, если закон не будет принят и национализация в последующем не состоится. В законопроекте найден баланс интересов, позволяющий соблюсти право собственника как на информацию, так и на защиту своего владения. Началом процедуры является принятие решения о национализации в форме акта правительства, содержащего наименование национализируемого имущества и другие необходимые сведения. Это решение незамедлительно сообщается собственнику.

— Когда же будет запущен механизм национализации? Есть мнение, что не раньше 2005 года, когда в законе о бюджете будут предусмотрены соответствующие средства...

— Конечно, с принятием правительственного законопроекта национализация не сможет осуществляться без соответствующих денежных средств, специально предусмотренных в бюджете. Внося законопроект в Госдуму, правительство преследовало цель снизить инвестиционные риски, свя-

► чиль, бывший в то время военноморским министром, приобрел в казенную собственность контрольный пакет акций нефтяной компании, ставшей впоследствии называться British Petroleum. Он руководствовался соображениями безопасности — необходимо было обеспечить бесперебойные поставки топлива для королевского военноморского флота, особенно ввиду германской угрозы. В 1940-х годах соображения были совершенно иными. Государственные компании, по мысли лейбористов, должны были стать «моторами роста» для всей экономики, современными высокотехнологичными предприятиями, способствующими к тому же более справедливому распределению доходов. После длительных обсуждений лейбористы отвергли «модель почты», в рамках которой национализируемые предприятия превратились бы в департаменты государственных министерств. Вместо этого была избра-

Металлургическая промышленность в Западной Европе постоянно переходила то в государственную, то в частную собственность

EAST NEWS

на модель «публичной корпорации», ставшая затем моделью государственного предприятия во многих странах мира: государство назначало совет директоров, который и управлял корпорацией как бизнесом, а социальные вопросы предполагалось решать с помощью экономического планирования — еще одной модной идеи, широко распространенной после войны. В результате британских национализаций около 20% рабочей силы оказалось занято в госсекторе, притом туда попали отрасли, которые лейбористы не без гордости именовали «командными высотами в экономике» (термин, явно за-

имствованный у Ленина). Однако многие планы, в том числе и идея экономического планирования, остались на бумаге, в значительной степени из-за нехватки денег: Великобритания после войны была практически банкротом, даже лифты в министерстве финансов не работали из-за ограничения подачи электричества. Встав перед выбором: обобществить все и разрушить финансовую систему или отложить свои великие планы, лейбористы благоразумно выбрали второе. Хотя они и называли себя социалистами, их социализм, по выражению Д. Ергина и Дж. Станислава (Daniel Yergin and Joseph

► Stanislaw, The Commanding Heights, 1998.) «происходил скорее от Роберта Оуэна, чем от Карла Маркса». Тем не менее безработица в Англии, достигавшая в 1930-е годы 12%, в конце 1940-х снизилась до 1,3%. Британская «смешанная экономика», или «консенсус Аттли», в определенной степени послужила моделью государственного вмешательства в экономику, ставшей предметом ожесточенных споров в последующие 40 лет. И только в 1980-е годы правительство консерваторов при Маргарет Тэтчер провело столь же крупномасштабную приватизацию государственных предприятий, которые, как к этому времени признавали уже многие, были очень неэффективны и тормозили экономическое развитие.

Французская национализация имеет много общего с британской, она тоже вдохновлялась социалистическими идеями. Еще до конца войны были национализированы некоторые ключевые предприятия, такие как заводы «Рено» (в январе 1945) и оставшиеся в частных руках авиакомпания. После войны были национализированы предприятия коллаборационистов, сотрудничавших с немецким оккупационным режимом. В 1945–46 годах правительство трехпартийной коалиции (коммунисты, социалисты и народно-республиканская партия) провело масштабную национализацию, охватившую угольную и сталелитейную промышленность, большинство банков, страховые компании, транспорт, электроэнергетику, газ и т.п. Тогда же был создан Генеральный комиссариат планирования. Но хотя идеи экономического планирования были во Франции очень сильны, государственные компании продолжали управляться как бизнес, а не как министерство. Победа социалиста Франсуа Миттерана на президентских выборах 1981 года открыла новую страницу национализации: в собственность государства перешли (за выкуп) 41 частный банк, крупные металлургические, химические и машиностроительные компании (St. Gobain, Pechiney Uguine Kuhlman, Rhone Poulenc, Roussel Uclaf), а также некоторые высокотехнологичные компании (Matra, Dassault). В секторе в середине 1980-х годов было занято около 20% рабочей силы и создавалось 25% добавленной стоимости. При этом национализация была частью правительственной программы экономических преобразований, включав-

шей, например, сокращение рабочей недели до 35 часов, увеличение оплачиваемого отпуска до 5 недель, специальные программы для переподготовки рабочей силы, финансируемые нанимателями, и т.п. Одновременно были введены валютные ограничения, так как правительственная политика привела к растущему бюджетному дефициту, росту госдолга, бегству капитала из страны и обесценению французского франка. Столкнувшись с растущими проблемами, правительство отказалось от радикального курса и уже в 1983 году свернуло ряд государственных программ. Правое правительство, пришедшее к власти в результате поражения левых на выборах 1986 года, начало приватизацию государственных предприятий, ранее национализированных левыми. Этот процесс расширился в 1990-х годах. В ходе приватизации вскрылись многочисленные злоупотребления, допускавшиеся на национализированных предприятиях. К концу 1990-х доля госсектора во французской экономике упала с 25% до 10%.

В 1950–60-х годах национализацию широко использовали развивающиеся страны, рассматривая ее как средство не только для освобождения от колониального господства, но и для строительства «новой нации». Наибольшую известность (и международные проблемы) вызвала национализация Ираном Англо-иранской нефтяной компании в 1951 году, Египтом — Компании Суэцкого канала в 1956 году, Чили — активов американских медедобывающих компаний в 1971 году. Почти во всех случаях такая национализация проводилась как конфискация — владельцам не выплачивалась компенсация, которую они сочли бы справедливой. На практике огосударствление промышленности в третьем мире почти повсеместно оборачивалось колоссальной коррупцией, разворовыванием собственности и требованиями субсидий из казны (то есть за счет налогоплательщиков). Неэффективность госпредприятий стала удобной мишенью для их критиков в конце 1980-х и в 1990-х годах, когда либеральные экономические идеи вновь вошли в моду. Волна приватизации прокатилась по всем развивающимся и постсоциалистическим странам, где, по далеко не полным оценкам, за последнее десятилетие XX века было приватизировано около 60 тыс. госпредприятий.

занные с неопределенностью в процедуре национализации имущества в России, отнюдь не собираясь немедленно развернуть масштабный процесс национализации. Для этого бюджета страны не хватит. Кроме того, госсобственности в стране пока еще достаточно. Ее перегруппировка до настоящего времени позволяла решать большинство проблем в сфере обороны и безопасности и без проведения национализации. Надеемся, будет позволять и впредь.

И еще. Не стоит придавать большое значение наличию в бюджете денег на национализацию. Закон о бюджете, предполагающий национализацию имущества, прежде всего должен содержать наименование стратегической продукции, для удовлетворения потребности в которой осуществляется национализация. Включению соответствующих положений в закон предшествует работа правительства по всестороннему анализу предложения о национализации. Взвешиваются другие возможности получения стратегической продукции, готовится финансово-экономическое обоснование национализации, содержащее расчет расходов и сроков ее осуществления.

— Нельзя ли обойтись без закона о национализации? Государство может вернуть незаконно приватизированное имущество по суду. Или закон принимается, чтобы исправить ошибки, допущенные государством во время приватизации (раньше предприятие спокойно приватизировалось, а сегодня вдруг признается стратегическим и его отнимают)? А если так, почему нынешние собственники должны отвечать за давние ошибки государства?

— Отвечая на ваш вопрос, вспоминаю поговорку: «У страха глаза велики». Национализация не может применяться как инструмент наказания неэффективных собственников, возврата долгов или пересмотра итогов приватизации. Предлагаемый правительством проект направлен на решение только одного вопроса — обеспечение потребности государства в обороне и безопасности посредством выпуска продукции стратегического значения. Причем в случаях, когда не получается по-другому.

Сегодняшняя дискуссия усилила мою убежденность в том, что принятие закона не только целесообразно для обеспечения потребности государства в стратегической продукции, но и необходимо для улучшения инвестиционного климата в стране и ее имиджа за рубежом. Надеюсь, это интервью позволит вашим читателям, среди которых есть и инвесторы, и просто собственники имущества, более четко представить себе цели правительства при рассмотрении вопроса национализации.